

ГОЛОСЪ КАЗАЧЕСТВА

№ 2.

2 февраля
1913 г.

⇒ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ⇐

независимый, военно-общественный журналъ,
посвященный нуждамъ и интересамъ казачества.

Условія подписки: годъ—6 руб., 1/2 г.—3 руб. 50 коп., 3 мѣс.—2 руб., 1 мѣс.—75 коп.

Годъ второй.

Содержаніе номера:

Новочеркасскъ. 2 февраля	<i>Холмскій.</i>
Казачья жизнь и служба въ степяхъ . . .	<i>А. Мякутинъ.</i>
Оренбуржцы въ Туркестанѣ	<i>В. Водопьяновъ.</i>
Что такое плодосмѣнъ и сѣвооборотъ.	
Полезныя рѣчи * * *	
Послѣднее 20-е Ивана Петровича . . .	<i>С. Поповъ.</i>
Нѣмецкіе солдаты.	Официальный отдѣлъ.
Военныя вѣсти.	Корреспонденціи.
По Россіи.	Искорки.
Хроника казачьей жизни.	Объявленія.

ко позволила перевести въ глубь своихъ владѣній, составленные исключительно изъ славянъ нѣкоторые австрійскіе полки, но и послала въ Австрію для замѣны ихъ свои нѣмецкія войска.

Германскій императоръ Вильгельмъ, развѣзжая по своей странѣ, всюду произносить зажигательныя рѣчи, возбуждающія воинственность нѣмцевъ.

Въ этихъ рѣчахъ очень ясно выражается ожиданіе близкой войны.

Но съ кѣмъ могутъ воевать нѣмцы, при данныхъ обстоятельствахъ, пусть рѣшитъ самъ читатель?

Наша западная граница наводнена нѣмецкими и австрійскими шпионами, развѣдывающими все до мельчайшей подробности. Нечего и говорить, что эта задача имъ въ огромной степени облегчена, при наличіи въ польскихъ губерніяхъ массы евреевъ, этихъ природныхъ шпионовъ.

Австрія играетъ по обыкновенію двойную игру, лебезя передъ нашимъ правительствомъ и увѣряя нашихъ дипломатовъ въ своемъ миролюбіи, сама же втайнѣ заканчиваетъ спѣшныя приготовленія къ военнымъ дѣйствіямъ.

Все это заставляеть насъ съ увѣренностью заключить, что раскаты военного грома уже глухо рокочутъ въ отдаленіи изъ быстро несущейся на славянъ политической бури.

Намъ, казакамъ, эта буря не страшна, и если Нашему Обожаемому Монарху угодно будетъ призвать свой народъ къ оружію, многомилліонное казачество по старому первымъ встанетъ въ первые же ряды русскихъ войскъ,

И напрасно нѣмцы кичатся и грозно бряцаютъ оружіемъ. Они не запугаютъ Великой Руси, неоднократно ихъ побивавшей въ прежнія войны.

Загляните въ исторію. Кто и когда не билъ Австріи?..

Ото всѣхъ ей неоднократно и здорово попадало: и отъ русскихъ, и отъ итальянцевъ, и отъ турокъ, и отъ французовъ, не говоря уже о „домашнихъ“ потасовкахъ отъ своихъ же братьевъ пруссаковъ.

А сколько разъ Россія спасала на свою голову отъ окончательной гибели ту же Австрію?..

И вотъ, въ благодарность, какъ и раньше, Австрія натачиваетъ на Россію штыки.

Мы не бряцаемъ оружіемъ, не блистаемъ красивыми трескучими фразами, мы никому не грозимъ. Могучая Русь спокойно взирая на суетню миллионовъ букашекъ, сознавая свою силу и мощь, ожидаетъ грянувшихъ событій.

И горе будетъ дерзкому нѣмцу, если онъ вздумаетъ коснуться жадной рукой славянской самобытности.

Грянетъ военный громъ... Вспыхнетъ кровопролитная война, война славянства съ нѣмцами-новый актъ исторической борьбы противъ нѣмецкаго порабощенія,—и если Высшему Правосудію угодно будетъ склонить вѣсы судьбы на сторону славянъ, можно съ увѣренностью сказать, что самое названіе Австріи будетъ навсегда вычеркнуто изъ списка міровыхъ державъ.

Необходимо лишь къ славянскому „терпѣнію“ присоединить казачью „настойчивость“.

Холмскій.

СТАТЬИ

Казачья жизнь и служба въ степяхъ.

(путевыя впечатлѣнія).

Осенью 1912 года мнѣ посчастливилось совершить большое круговое путешествіе по нѣкоторымъ русскимъ окраиннымъ степямъ и наблюдать, какъ въ нихъ живутъ и служатъ казаки. О пережитыхъ чувствахъ и дорожныхъ впечатлѣніяхъ я позволяю себѣ подѣлиться съ читателями.

I.

Г. Оренбургъ и прилегающія къ нему станицы Оренбургскаго казач. Войска.

Прежде всего, въ концѣ августа, я побывалъ въ родномъ своемъ Оренбургѣ и въ ближайшихъ къ нему казачьихъ поселеніяхъ. За два послѣдніе года, городъ нѣсколько принарядился и похорошѣлъ; въ немъ—по городскому обыкновенію—было шумно и весело. Что же касается душевнаго настроенія станичныхъ обитателей, перенесшихъ голодный годъ, то его можно было уподобить душевному состоянію людей, выздоравливающихъ отъ тяжелой болѣзни: взоры ихъ были сосредоточены и грустны, но чувствовалось, какъ урожайное, только что минувшее лѣто вливалось въ ихъ существа бодрость и свѣтлыя надежды. На улицахъ

станции, какъ и прежде, было полное отсутствіе древесныхъ насажденій, но зато просторныя и свѣтлыя зданія школъ и правленій съ каланчами, пріятно ласкали глазъ.

26-го августа на огромной площади, отдѣляющей Оренбургъ отъ казачьяго форштадта (Оренбургскаго поселка), происходило торжество по случаю столѣтія Бородинской битвы. Здѣсь пришлось полюбоваться сотней храбрыхъ оренбургскихъ казаковъ со знаменемъ, стройно маршировавшими казачатами и, наконецъ, казаками-артиллеристами, прогремѣвшими своими пушками мимо увѣнчаннаго вѣнками бюста Императора Александра I-го. На торжествѣ присутствовали потомки славныхъ участниковъ Отечественной войны и среди нихъ представители упраздненнаго нынѣ Башкирскаго казачьяго войска въ своихъ національныхъ кафтанахъ и остроконечныхъ шапкахъ, обшитыхъ серебрянымъ позументомъ.

6-го сентября утромъ мнѣ, по дѣламъ службы, пришлось спѣшно двинуться изъ Оренбурга по желѣзной дорогѣ въ Туркестанъ для участія въ дальней поѣздкѣ по Семирѣченской области.

За безуѣзднымъ городкомъ „Илецкой Защитой“ въ послѣдній разъ мелькнула въ моихъ глазахъ фуражка съ синимъ околышемъ какого-то казака, возвращавшагося на возу сѣна въ ближнюю станицу, а затѣмъ потянулась безлюдная, унылая, ровная какъ скатерть степь....

II.

Сырѣ-Дарьинская область.

На другой день поутру поѣздъ пролетѣлъ мимо сожженныхъ лѣтнимъ солнцемъ Мугоджарскихъ горъ, а за ними побѣжали пустыни Туркестана. На станціи „Аральское море“ открылся видъ на широкое водное пространство. У берега вода отливала зеленымъ цвѣтомъ, а вдали она синѣла, сливаясь съ темно-голубымъ южнымъ небомъ. На берегу раскинулся большой, рыбацкій поселокъ. Въ заливѣ раздувались паруса мелкихъ судовъ, и на горизонтѣ виднѣлся остовъ большого корабля. На станціи толпилось нѣсколько человѣкъ въ фуражкахъ съ малиновымъ околышемъ. Отсутствіе кокарды на тулѣ свидѣтельствовало, что это уральцы старообрядцы, которые не носятъ кокарды изъ предосторожности, дабы ненарокомъ не обзавестись „печатью антихриста“ на челѣ. Полагая, что это ссыльные уральцы, я сталъ просить ихъ передать поклонъ нѣкоторымъ знакомымъ старикамъ. На это люди съ малиновымъ околышемъ на фуражкахъ отвѣтили: „Мы не уходцы; вѣдь мы только что по доброй волѣ пріѣхали сюда съ Урала. Стѣснительно больно у

насъ стало, рыбы мало, вотъ и пріѣхали въ Туркестанъ. А здѣсь всячески промыслы есть: жить можно“.

Въ Казалинскѣ—новая встрѣча. На перронѣ вокзала находилось нѣсколько стариковъ изъ числа уходцевъ. *) Повѣдали они мнѣ, что и послѣднее ихъ прошеніе, поданное весной военному министру, осталось безъ послѣдствій. „Не знаемъ, что и дѣлать намъ“, сказалъ коренастый старикъ съ юношескими голубыми глазами: „Хотѣлось бы дойти какъ-нибудь до Царя, что онъ бы еще намъ сказалъ? Тогда разсѣялись бы всѣ наши сомнѣнія. А то начальство все говоритъ по разному: одни бранятъ насъ, другіе оправдываютъ. Вонъ сначала вычитали намъ, что мы, по Указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, ссылаемся въ каторжныя работы и на вѣчное поселеніе. А генераль-губернаторъ насъ помиловалъ! Какъ же это генераль-губернаторъ могъ помиловать, если Царь сослалъ въ каторгу?... Что-то тутъ не такъ?!...“

Ташкентскій оазисъ поражаетъ путешественника своей роскошной растительностью и обиліемъ воды. Между обширными садовъ и чудными виноградниками поѣздъ примчалъ меня въ г. Ташкентъ гдѣ нужно было сдѣлать закупки для предстоящей дальней поѣздки на лошадахъ. Тотчасъ за желѣзнодорожнымъ вокзаломъ бросалось въ глаза прекрасное, новое зданіе собранія 5-го Оренбургскаго казачьяго полка, построенное на средства покойнаго шефа полка Эмира бухарскаго. Фронтонъ и двѣ башни собранія могли бы служить украшеніемъ города. Къ сожалѣнію, собраніе стоитъ за городской чертой въ „Казачьей слободкѣ“. Оренбургскій полкъ въ это время находился съ лагерѣ. Въ самомъ же городѣ квартировалъ Уральскій казачій полкъ, пришедшій изъ Самарканда на замѣну Оренбургскаго. Сильный развѣздъ уральцевъ мнѣ довелось встрѣтить въ азиатской части Ташкента при фантастической обстановкѣ: среди шумной пестрой толпы, въ таинственномъ полумракѣ огромнаго покрытаго тесомъ базара.

Спустя два дня, тройка измученныхъ почтовыхъ лошадей везла меня въ тряской „трашпанкѣ“ **) отъ станціи „Кабуль-сай“ по тракту на городъ Вѣрный. Дорога шла той же великой безконечной зауральской степью. Только маленькій, чистенькій городокъ Чимкентъ поласкалъ глазъ пышной своей зеленью, среди которой я успѣлъ

*) Уходцы,—сосланные въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ въ Туркестанъ, за отказъ дать подписку о покорности, уральскіе казаки.

Ред.

**) „Трашпанка“—мѣстное названіе брички.

разглядѣть казака въ фуражкѣ съ малиновымъ верхомъ: должно, семирѣченецъ изъ гвардіи пробирался въ родныя палестины.

Вдали, параллельно дорогѣ тянулись вершины Александровскаго хребта и Алатау съ вѣчными снѣгами. Въ общемъ уныло, безлюдно и однообразно было кругомъ. По дорогѣ встрѣчались богатѣйшія села первыхъ русскихъ насельниковъ Сыръ-Дарьинской области, да еще приходилось обгонять караваны длинноногихъ верблюдовъ, важно вышагивавшихъ одинъ за другимъ. Изрѣдка мимо протрусить на верховомъ быкѣ или на маленькой степной лошаdkѣ туземецъ или стройная, величавая киргизка въ бѣломъ, какъ снѣгъ, убрусѣ на головѣ, скрученномъ на подобіе короны. Ямщики киргизы по-русски говорятъ плохо и везутъ, благодаря своей сонной натурѣ, преотвратительно. Знаніе киргизскаго языка въ степи совершенно необходимо. Съ этимъ языкомъ безъ затрудненія путешественникъ проѣдетъ отъ Казани и земли Войска Донскаго до южныхъ границъ Индо-Китаи и азиатскихъ береговъ Средиземнаго моря.

Почтовые станціи переносятъ васъ къ отдаленнымъ временамъ русской жизни, когда о желѣзныхъ дорогахъ еще не было помину.

12-го сентября повстрѣчался эшелонъ молодыхъ семирѣченскихъ казаковъ, ѣдущихъ на укомплектованіе первоочереднаго полка, квартирующаго на южной границѣ Туркестана. Казаки, чтобы ослабить дѣйствіе неимовѣрной дорожной пыли, ѣхали вразбродъ: поодинокѣ и небольшими группами. Кое-гдѣ слышалась пѣсня, нѣкоторые весело наигрывали на балалайкаxъ. Эшелонъ напоминалъ „сунженцевъ, возвращающихся изъ удалаго набѣга“.—„Четвертый мѣсяць, отъ самой станицы Урджарской, ѣду на конѣ“, сказалъ мнѣ самодовольно молодой хорунжий.

Въ городѣ Ауліэ-ата надо было провести нѣсколько часовъ. Отъ нечего дѣлать я пошелъ бродить по базару. Увидя молодого съ рыжей бородой казака съ малиновымъ околышемъ, я спросилъ его о житьѣ-бытьѣ уральцевъ-уходцевъ, проживающихъ въ этомъ чудномъ степномъ уголкѣ. Изъ разговора выяснилось, что молодежь очень болѣетъ душой о создавшемся неопредѣленномъ ихъ положеніи, мечтаетъ о выходѣ изъ него, но въ то же время не смѣетъ порвать связи со своими стариками.

Благодаря этому разговору, среди уральцевъ съ быстротой молніи распространился слухъ о прибытіи въ Ауліэ-ата челоѣка, интересующихся ихъ бытомъ.

Вскорѣ ко мнѣ на квартиру явилось челоѣкъ десять уральцевъ, одѣтыхъ въ азямы. Изъ нихъ выдѣлялись старики: Филиппъ Саввичъ Р.,

Евстратій Асафовичъ К. и Ѳеодоръ Максимычъ Б.; это были самые „непримиримые“. Филиппу Саввичу уже свыше 80 лѣтъ; на Уралѣ у него старуха жена и взрослые дѣти, а онъ живетъ бобылемъ въ Ауліэ-ата, ища истину и не желая возвращаться на горячо любимую родину, гдѣ, по его мнѣнію,—неправда свила гнѣздо. Я сталъ объяснять уходцамъ, что времена измѣнчивы и реформы въ челоѣческихъ обществахъ необходимы. Въ качествѣ примѣра, указалъ имъ, что вотъ въ Уральскомъ Войскѣ раньше землю не дѣлили, а теперь, съ увеличеніемъ народонаселенія, стали дѣлить; что раньше была пятнадцатилѣтняя служба и служили одни лишь бѣдные, а недавно, по необходимости и ради справедливости, введена такая же служба, какъ и въ другихъ казачьихъ Войскахъ: отслужить казакъ три года, а потомъ живетъ себѣ дома. Отъ всего этого населеніе только выигрываетъ. На это Филиппъ Саввичъ саркастически возразилъ: „Нѣтъ, прежде больно хорошо было, а теперь съ ними, что хотятъ, то и дѣлаютъ, потому что они подписку дали!“ Затѣмъ Филиппъ Саввичъ, тряся сѣдой головой и вперивши въ меня старчески-неподвижные, но властные глаза, сталъ рассказывать, какъ нарушена была въ 1874 году грамота, данная прежними Царями уральскимъ казакамъ. „Какъ Царю вотъ нельзя отступить отъ своихъ *правовъ*, такъ и намъ нельзя поступиться своими!“ заключилъ рѣшительно свою рѣчь Филиппъ Саввичъ.—„Дѣдушка“, сказалъ я: „да гдѣ эта грамота? Ее искали въ разныхъ архивахъ и не нашли.“—„У Царя! вотъ гдѣ она!.. Царь все знаетъ!“ отвѣтилъ энергично и безъ тѣни сомнѣнія Филиппъ Саввичъ.

„Вотъ поэтому-то [намъ и охота узнать, что намъ самъ Царь скажетъ“, добавилъ упорный старецъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Оренбуржцы въ Туркестанѣ.

(Военно-историческій очеркъ).

1853-й годъ. Подъ Акъ-Мечетью.

(Порядокъ отбыванія службы въ Туркестанѣ).

До 1873 года Оренбургское казачье Войско выставяло отъ себя въ Туркестанскомъ округѣ отдѣльныя сотни, командуя ихъ въ этотъ край въ полномъ составѣ на два года каждую.

По истеченіи двухлѣтняго срока, сотни въ томъ же составѣ, какъ и при выкомандированіи ихъ изъ предѣловъ Войска, возвращались на

ГОЛОСЪ КАЗАЧЕСТВА

ГОДЪ ВТОРОЙ.

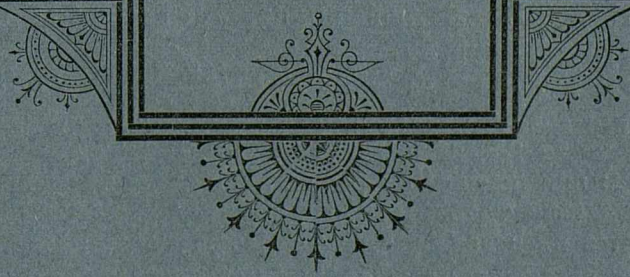
№ 3.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ
независимый, военно-общественный журналъ,
посвященный нуждамъ и интересамъ казачества.
Условія подписки: годъ—6 руб., 1/2 г.—3 р. 3 мѣс.—1 р. 50 к., 1 мѣс.—50 коп.

9 февраля
1913 г.

Содержаніе номера:

- Новочеркасскъ 9 февраля С. Холмскій.
- Сонъ и сновидѣнія * * *
- Вольные люди С. Щелгуновъ.
- Откуда пошли славяне и какъ они
раздѣлились (очеркъ проф. А. Л. Погодина).
- Оренбуржцы въ Туркестанѣ В. Водопьяновъ.
- Полезныя рѣчи * * *
- Казачья жизнь и служба въ степяхъ А. Мякутинъ.
- Турокъ и его друзья (басня) . . . * * *
- Афганистанъ и его вооруженныя силы * * *
- Официальный отдѣлъ. Приказъ по во-
енному вѣдомству.
- Старочеркасскъ * * *
- Искорки.

были уходцы, принадлежащіе къ болѣе умѣренной партіи. Старшій, высокаго роста казакъ, былъ нѣкогда сосланъ за бѣгство изъ арестанскихъ ротъ и за подачу прошенія отъ имени уходцевъ, въ каторжныя работы, по отбытіи этого наказанія, былъ приписанъ къ мѣщанскому обществу г. Благовѣщенска, а затѣмъ, получивъ полную свободу, поселился въ Аулія-ата, чтобы вмѣстѣ съ товарищами пить горькую чашу изгнанія. Илларіонъ Ферапонтовичъ Г. (такъ звали этого казака) однако не пользуется особымъ расположеніемъ сотоварищей по несчастью за то, что не вполне раздѣляетъ ихъ крайніе взгляды, и потому еще, что, воспользовавшись даннымъ ему въ Сибири званіемъ мѣщанина, онъ приобрѣлъ себѣ земельный участокъ и живетъ поэтому богаче другихъ. Разговаривая съ новыми собесѣдниками, я узналъ, что уходцы въ Аулія-ата очень успѣшно занимаются рыболовствомъ на степныхъ озерахъ и на рѣкѣ Чу, а также извозомъ. „Какъ поѣдемъ лошадяхъ на четырехъ или пяти въ Ташкентъ, такъ-глядь-рублей сто и заработаемъ. Да еще по праздникамъ, знамо дѣло, мы не ѣдемъ, останавливаемся: помнимъ четвертую Господню заповѣдь“, добавилъ къ своему разказу Илларіонъ Ферапонтовичъ. „Держимся еще, слава Богу, мы старинки, и хорошо!... А то вотъ у насъ вблизи Аулія-ата сейчасъ вышла какая исторія. У полѣсовщика, русскаго человѣка, киргизы увезли дочь лѣтъ шестнадцати. Наѣхали власти. Отыскали дѣвицу. Спрашиваютъ, какъ ее похитили. А она и отвѣчаетъ: „Сама захотѣла и ушла, и буду съ киргизами жить; кому какое дѣло!“—Больно ужъ якшаются съ киргизами, ѣдятъ и пьютъ съ ними изъ одной чашки одной ложкой“, закончилъ свою рѣчь Ферапонтовичъ.

На положеніе уходцевъ Илларіонъ Ферапонтовичъ смотритъ здраво. По его мнѣнію, уходцы должны забыть прошлое, а думать о настоящемъ и главнымъ образомъ о своихъ дѣтяхъ, и для этого необходимо просить начальство о томъ, чтобы для нихъ была отведена земля и изъ нихъ было бы образовано особое казачье войско. Служить намъ съ казаками Уральскаго войска, конечно, ужъ теперь не придется: они намъ всеедино, что чужіе“, между прочимъ сказалъ Илларіонъ Ферапонтовичъ. „А вотъ другіе болтаютъ, не знай что! Надѣюсь, что Царь признаетъ ихъ правыми и тѣхъ казаковъ, которые приняли новое положеніе. прогонитъ съ Урала, а землю всю отдастъ имъ-старому вѣрному войску!“ не безъ ироніи добавилъ мой краснорѣчивый собесѣдникъ. Изъ дальнѣйшаго разговора выяснилось, что „партія Ферапонтовича“ невелика, и что между ней и другими уходцами идетъ глухая борьба, доходящая до взаимнаго соглядатайства и перехватыванія писемъ.

Въ этомъ же день на базарѣ меня остановили

два среднихъ лѣтъ казака, при чемъ одинъ изъ нихъ задалъ мнѣ вопросъ, подобный вопросу, нѣкогда обращенному Іисусомъ Христомъ къ своимъ ученикамъ, именно онъ спросилъ меня: „За кого Вы насъ принимаете?“ Я отвѣтилъ, что-за ссыльныхъ уральскихъ казаковъ.—„что, вишь!“ сказалъ вопроситель своему товарищу. Эта многозначительная, короткая сцена показала, какъ болѣзненно ревниво относится уходцы къ званію „казака“. Они до смерти боятся лишиться казачьяго званія и опасаются, что начальство, помимо ихъ воли, уже перечислило ихъ въ мѣщанъ.

III.

Семирѣченская область.

По какимъ именно семи рѣкамъ эта область называется „Семирѣченской“ мнѣ не могли объяснить мѣстные жители. Учебники географіи также объ этомъ умалчиваютъ. Проѣхавъ вмѣстѣ съ товарищемъ черезъ эту обширную страну, я попытаюсь отвѣтить на возникшій вопросъ. Въ Семирѣченской области много рѣкъ и горныхъ ручьевъ, но за наиболѣе выдающіяся рѣки слѣдуетъ признать: 1) *Нарынъ* (верховья Сыръ-Дарьи), 2) глубокою *Чу*, 3) полноводную *Или*, 4) шумную *Кокъ-су*, 5) *Караталь*, мчащійся среди дикихъ скалъ, 6) быстрый, измѣнчивый, поросшій тальникомъ *Тентекъ* (въ переводѣ „Дуракъ“) и 7) омутистый, обросшій камышомъ *Урджаръ*. Вотъ эти семь рѣкъ, вѣроятно, дали области названіе „Семирѣченской“.

Станицы Семирѣченскаго казачьяго войска велики и богаты. Своими постройками онѣ напоминаютъ станицы Оренбургскаго войска, но съ тѣмъ различіемъ, что на ихъ улицахъ тянутся аллеи высокихъ деревьевъ, да вмѣсто казенныхъ винныхъ лавокъ видны „Питейные дома“ и „Общественные склады вина“. Казаки-семирѣченцы не прочь пожаловаться на недостатокъ земли, хотя вокругъ ихъ тянутся необозримыя, дѣвственные степи. Въ нынѣшнемъ году въ плоскостной части Семирѣченской области богатый урожай и только въ нѣкоторыхъ станицахъ недородъ, но обитатели послѣднихъ (надо правду къ ихъ чести сказать) не помышляютъ просить обычнаго въ этихъ случаяхъ „способія“. „Мы и прежнимъ жиромъ проживаемъ!“ говорятъ не безъ самодовольства они.

Въ городъ Вѣрный мы прибыли 16-го сентября. На слѣдующій день съ ранняго утра расфранченный народъ, среди котораго выдѣлялись казаки георгіевскіе кавалеры и атаманы съ булавами, спѣшилъ въ городскую садъ, въ которомъ былъ сооруженъ памятникъ Царю-Освободителю. Солнышко ярко освѣщало желтѣющіе листья деревьевъ, праздничную толпу и парадъ войскъ, играло на „бѣлкахъ“ *)

*) Лединкахъ.

ГОЛОСЪ КАЗАЧЕСТВА

— ГОДЪ ВТОРОЙ. —

№ 4.

— ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ —

независимый, военно-общественный журнал,
посвященный нуждамъ и интересамъ казачества.

Условія подписки: годъ—6 руб., 1/2 г.—3 р. 3 мѣс.—1 р. 50 к., 1 мѣс.—50 коп.

16 февраля
1913 г.

Содержаніе номера:

- Откуда пошли славяне и какъ они
раздѣлились (очеркъ проф. А. Л. Погодина).
Надвигающійся морь рыбь К. В.
Оренбуржцы въ Туркестанѣ В. Водопьяновъ.
Казачья жизнь и служба въ степяхъ А. Мякутинъ.
Афганистанъ и его вооруженныя силы * * *
Вольные люди С. Щелкуновъ.
Подготовка одиночнаго бойца-казака (В. Р. К.).
Легко сооружаемая вышка изъ пикъ (В. Р. К.).
Официальный отдѣлъ. Приказъ по во-
енному вѣдомству.
За рубежомъ.
Совѣты и свѣдѣнія.
Искорки.
Почтовый ящикъ.
Отъ редакціи.

продвинувшись далѣе на югъ, овладѣть крѣпостью Джулекомъ.

23 іюля конный отрядъ былъ уже въ виду Джулека, нигдѣ не встрѣтивши ожидаемаго противника.

Дальнѣйшее наступленіе къ крѣпости г-ль маіоръ Падуровъ продолжалъ, вытянувши сотни ниткой въ одинъ конь, каждый всадникъ волочилъ за собою привязанный къ аркану снопъ прутьевъ, что подняло страшную пыль.

Защитники Джулека, при видѣ длинной линіи наступавшихъ, вообразили, что противникъ двигается въ большихъ силахъ, поспѣшно покинули крѣпость и скрылись изъ вида.

Благодаря этой хитрости, Джулекъ былъ занятъ безъ боя.

Разрушивъ стѣны укрѣпленія, г-ль маіоръ Падуровъ 25-го іюля выступилъ въ обратный путь.

На слѣдующій день, около 9 часовъ вечера, когда конный отрядъ только что расположился на ночлегъ, отъ графа Перовскаго получило приказаніе: „въ виду ожидаемаго конца минныхъ работъ и начала штурма Акъ-Мечети, летучему отряду къ разсвѣту 27 іюля прибыть въ лагерь“.

Г-ль маіоръ Падуровъ съ одной сотней уральцевъ тотчасъ же выступилъ съ мѣста ночлега и въ 11 часовъ ночи былъ уже въ лагерь главныхъ силъ.

Остальныя части коннаго отряда подошли къ осажденной крѣпости на разсвѣтъ 27-го іюля.

Штурмъ Акъ-Мечети.

Въ то время, какъ г-ль маіоръ Падуровъ совершалъ свой пробѣгъ, кольцо обложенія Акъ-Мечети постепенно суживалось; къ вечеру 24 іюля былъ оконченъ переходъ черезъ ровъ противъ С. В. фаса и саперы приступили къ устройству мины, которую закончили, къ вечеру 27 іюля, ночью зарядили горнъ 40 пудами пороха, забили минную галлерею и размѣстили проводники. Для взрыва все было готово.

Согласно диспозиціи 28 іюля въ 3 часа утра, за полчаса до взрыва, Войска, занимавшія траншеи у самыхъ крѣпостныхъ стѣнъ, по тремъ условнымъ ракетамъ отошли на 300 сажень назадъ и боевое расположеніе всего экспедиціоннаго отряда передъ взрывомъ мины было слѣ-

дующее: противъ восточной башни А, трехъ орудійная батарея штабъ капитана Ремішевскаго; противъ С. В. фаса крѣпости, батарея есаула Харитоновъ изъ трехъ орудій и ракетнаго станка. Остальныя части составили три штурмовыя колонны:

1-я подъ командой штабъ-капитана Шкупа, — одна рота пѣхоты и 50 спѣшенныхъ Уральскихъ казаковъ, заняла апроши передъ Восточной башней.

2-я колонна, подъ командой подпоручика Эмонда, одна рота пѣхоты и 50 спѣшенныхъ Уральскихъ казаковъ, оставаясь въ лагерь, должна была послѣ взрыва немедленно двинуться къ пролому и остановиться за 1-й колонной.

3 колонну, подъ командой войскового старшины Бородина, составили взводъ пѣхоты, Оренбургскія спѣшенная сотня войскового старшины Сильнова и Оренбургская спѣшенная полусотня Хорунжаго Макурина. Эта колонна расположилась въ 300 сажень отъ сѣверной башни В.

Одинъ взводъ пѣхоты, составляя резервъ, отошелъ отъ крѣпостныхъ воротъ къ Сыръ-Дарьѣ.

На лѣвомъ берегу Дарьи, на случай пересѣчь путь отступленія непріятелю, еще во время осады были выставлены, 25 уральскихъ казаковъ съ однимъ единорогомъ; передъ штурмомъ ихъ усилили 40 башкирами.

Съ той же цѣлью пространство между западною и южною башнями и рѣкой Сыръ-Дарьей наблюдали двѣ команды: западная—20 Уральцевъ хорунжаго Жигалина и полсотни башкиръ, и восточная—50 Оренбургскихъ казаковъ хорунжаго Жарикова. Эти части передъ взрывомъ находились на берегу Сыръ-Дарьи.

Полусотня Уральцевъ и полусотня башкиръ съ пятью орудіями остались для охраны ставки начальника экспедиціи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Казачья жизнь и служба въ степяхъ.

(путевыя впечатлѣнія).

(Продолженіе).

Пришлось мнѣ затѣмъ побывать и въ маленькомъ степномъ городкѣ, пріютившемся у подошвы высокихъ горъ,—Копалѣ. Кругомъ города-голая степь. Но за вершинами горъ, говорятъ, тянутся

дѣвственные лѣса, въ которыхъ водятся медвѣди. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ медвѣдь даже забѣжалъ въ самый городъ, произведя большой переполохъ, однако въ концѣ концовъ онъ былъ убитъ въ одномъ дворѣ. Событіе это въ заброшенномъ Богъ знаетъ куда городкѣ оказалось настолько значительнымъ, что по нему считаютъ время. „Это произошло вскорѣ послѣ медвѣдя“, говорятъ копальцы. Словомъ, Копаль-медвѣжьей уголъ даже и не въ переносномъ смыслѣ. Бокъ о бокъ съ городомъ пріютилась Копальская станица, Семирѣченскаго казачьяго войска съ бревенчатыми домами, по большей части облицованными потемнѣвшимъ отъ времени и непогоды тесомъ. Какъ горожане, такъ и мѣстные казаки въ настоящее время охвачены наживной лихорадкой они на перебой дѣлаютъ заявки на горныя богатства, составляютъ компаніи, мечтаютъ о золотѣ, платинѣ, серебрѣ и каменномъ углѣ. Дѣло въ томъ, что въ ближайшихъ горахъ недавно были обнаружены залежи разнообразнѣйшихъ металловъ и минераловъ, а также найдены слѣды древнихъ китайскихъ рудниковъ. Поэтому-то проѣзжіе ямщикъ и почталіонъ, возвращающійся съ пашни казакъ, пастухъ и торговецъ,—все пользуются всякой обстановкой, всякимъ случаемъ, чтобы взять въ руки ближній камышекъ, и всматриваются, всматриваются съ напряженнымъ вниманіемъ въ его составъ съ затаенной мыслью, не укажетъ ли онъ имъ путь къ быстрому обогащенію.

Много въ Семирѣчьи еще непочатыхъ богатствъ, много и свободныхъ земель. Недаромъ сюда нахлынуло много бродячихъ людей, образовавшихъ здѣсь нѣсколько самовольническихъ поселеній. Пословица: „вольный свѣтъ на волѣ стоитъ“, служить для нихъ оправданіемъ ихъ дѣйствій.

За грознымъ переваломъ „Абакумомъ“, спускающимъ путника, какъ бы по винтовому колодку, съ горъ на равнину, за огромнѣйшими озерами—„морями“ (какъ ихъ называютъ мѣстные жители): „Ала-кулемъ“, „Уялы“ и „Сасыкъ-кулемъ“, въ самомъ дальнемъ краю Семирѣченской области, вблизи величаваго Хребта Тарбагатая и противъ китайскаго города Чугучака находится русское укрѣпленіе „Бахты“. Какъ и во всемъ Семирѣчьи, служба здѣсь трудная, благодаря страшной удаленности отъ желѣзныхъ дорогъ и культурныхъ центровъ. Поэтому является совершенно непонятнымъ, почему въ новомъ пенсіонномъ уставѣ введено особое примѣчаніе, умаляющее права на пенсію служащихъ въ Семирѣченской области сравнительно со служащими въ другихъ мѣстахъ Туркестанскаго края. Въ далекихъ Бахтахъ между прочимъ квартируетъ сотня сибирскихъ казаковъ.

Бѣдили мы и въ Чугучакъ, гдѣ первымъ долгомъ отправились съ визитомъ къ Императорскому

Россійскому консулу. Дневальный, лихой сибирскій казакъ изъ взвода, состоящаго при консулѣ, съ широкимъ поясомъ, изукрашеннымъ капсюлями отъ патроновъ,—молодцовато открылъ ворота при нашемъ приближеніи. Городъ мы осмотрѣли въ сопровожденіи двухъ конвойныхъ изъ сибирскихъ казаковъ и русскаго аксакала *).

Дальнѣйшая наша дорога потянулась почти безлюдной степью къ Семипалатинску. Только двѣ богатыя станицы Семирѣченскаго Войска лежали на пути: Урджарская и Сергіопольская, а все остальное пространство было пустынно, почему приходилось ѣхать „бекетами“. „Бекеты“ (пикеты)—это маленькія почтовые станціи, одиноко затерявшіяся въ глухой степи. Въ прежнее время, когда только еще заселялось Семирѣчье, при каждой такой станціи стоялъ пикетъ изъ сибирскихъ казаковъ, подъ начальствомъ урядника-станціоннаго начальника. Проѣзжающихъ тогда возили служилые казаки, и почтовые лошади были казенныя. Теперь станціонные старосты вольнонаемные, а лошади предпринимательскія; прозваніе же станціи „бекетами“ живетъ въ народѣ до сихъ поръ. Бекеты носятъ киргизскія имена, но, по странной игрѣ человѣческой рѣчи, нѣкоторые изъ нихъ именуются такъ, какъ будто названія ихъ взяты изъ западноевропейскихъ языковъ; таковы напримѣръ: „Бургонскій“ и „Баканскій“ бекеты.

До самаго Сергіополя дорога идетъ вдоль Тарбагатая. Станціонные старосты при этомъ-большею частью семирѣченскіе казаки, которые прекрасно здѣсь себя чувствуютъ, такъ какъ, обзаведясь въ достаточной степени скотиной, которой привольно пастиись на необозримомъ степномъ пространствѣ, они живутъ хозяйственно. Это и хорошо, потому что не „зря ума“ *) говоритъ старинная казачья пословица: „Хорошъ на гумнѣ, хорошъ и на войнѣ“.

Отъ Сергіополя дорога круто свернула прямо на сѣверъ, такъ что по началѣ „приколь-звѣзда“ **) всегда находилась передъ нашими глазами. Ровной степью ѣхать было славно, тѣмъ болѣе, что ночью „казачье солнышко“ ***) прекрасно освѣщало путь. Но отъ бекета, носящаго классическое названіе „Аркадскаго“ и расположеннаго вблизи небольшого, скалистаго горнаго массива „Аркада“, небо стало хмуриться, и полился, какъ изъ сита, частый осенній дождичекъ, который сопровождалъ насъ до самаго Семипалатинска. Сѣверъ давалъ о себѣ знать.

*) Полицейскаго.

**) „Зря ума“—означаетъ „напрасно“.

***) „Приколь-звѣзда“—Полярная звѣзда; благодаря ея неподвижности, казаки прозвали ее „приколомъ звѣздой“.

****) „Казачье солнышко“—мѣсяцъ.

IV.

Семипалатинская область (3-й отдѣлъ Сибирскаго казач. Войска) и Акмолинская область (2-й отдѣлъ того же Войска).

15-го октября наша „трашпанка“ стояла на лѣвомъ берегу Иртыша, какъ разъ противъ Семипалатинска. Полноводный Иртышъ мрачно катилъ передъ нами свои могучія, темнозеленыя волны. У пристаней дымились трубы послѣднихъ пароходовъ, готовившихся отплыть въ ближайшіе заторы на зимовку. За Иртышомъ и его рукавомъ „Семипалатинской“ виденъ былъ широко раскинувшійся большой степной городъ съ деревянными постройками, съ многочисленными колокольнями церквей и высокими минаретами мечетей въ казанскомъ стилѣ. На переѣздѣ на двухъ парахъ пришлось употребить цѣлый битый часъ прежде, нежели мы попали на берегъ, на которомъ разбросался Семипалатинскъ. Только что тройка поднялась на взвозъ, какъ мы попали на „Казачью улицу“ Семипалатинской пригородной станицы, на которой мы успѣли разглядѣть фигуру въ папахѣ, сѣромъ бешметѣ и красныхъ лампасахъ, очевидно, мѣстнаго жителя казака. Ямщикъ-киргизъ провезъ насъ мимо большой казачьей церкви, затѣмъ вдоль чаклаго бульвара и вскорѣ доставилъ на почтовой дворъ.

Съ этого мѣста началось продолженіе нашего путешествія, но уже при другой обстановкѣ. Дорога отъ Семипалатинска до самаго Омска идетъ вдоль берега Иртыша. Степь оживилась. Появились перелѣски изъ Хвойныхъ деревьевъ и березы. Путь проявляеть черезъ веселыя богатая станицы сибирскихъ казаковъ. Однако, невзирая на бьющее въ глаза довольство, повсюду слышались жалобы на недостатокъ земли, угодій и на „песочную“ неудобную почву. И только одинъ разъ на восторженныя слова наши: „Ахъ, какъ богато живутъ сибирскіе казаки!“ одинъ домохозяинъ отвѣтилъ: „Да мы живемъ подходяще.“

Въ Семипалатинской области находится 3-й отдѣлъ Сибирскаго казачьяго Войска. Казаки этого отдѣла отличаются основательностью и хозяйственностью; въ натурѣ ихъ чувствуется беззавѣтная удаль. Но странная черта ихъ домашняго обихода-отсутствіе крышъ у большинства домовъ. Это явленіе сами казаки объясняютъ недостаткомъ лѣса. Но это-очевидная неправда, такъ, какъ у тѣхъ же жителей, у которыхъ на домахъ не было крышъ, дворы заплоты и даже хлѣва выстроены изъ толстаго бревенчатого накатника. Разночинцы, проживающіе въ станицахъ, говорили, что происходитъ это отъ казачьей безопасности. „Прогулять казаку“, сказалъ намъ одинъ торговый человѣкъ: „50 рублей ничего не

значить“, а вотъ на крышу у него денегъ нѣтъ. Казакъ 2-го отдѣла, въ станицахъ которыхъ дома съ крышами, объяснили, казаки 3-го отдѣла „окиргизилась“ и потому не всегда ставятъ крыши. Не знаю, правда ли это, но-дѣйствительно-казаки 3-го отдѣла, начиная съ двухъ-годовалыхъ младенцевъ, прекрасно владѣютъ киргизскимъ языкомъ и въ разговорѣ между собой одновременно изъясняются на двухъ діалектахъ-на русскомъ и киргизскомъ, причемъ на обоихъ одинаково свободно, такъ что надо считать, что казаки эти обладаютъ двумя природными языками. Такое свойство этихъ казаковъ слѣдуетъ признать за очень драгоцѣнное въ виду большой распространенности киргизъ и ихъ языка въ Центральной Азіи. Кромѣ того казаки 3-го отдѣла носятъ, подобно киргизамъ, азіатскаго покроя штаны на выпускъ и тумакъ *) на головахъ. Жители этого отдѣла держатъ помногу скота, такъ что средній хозяинъ приблизительно имѣетъ 30—40 головъ коней, 50—100 штукъ рогатаго скота и 200—300 барановъ. Въ 2-мъ отдѣлѣ, находящемся въ Акмолинской области и примыкающемъ къ г. Омску, лошадей меньше, по-киргизски не говорятъ, и народъ расчетливѣе. Въ станицахъ 2-го отдѣла встрѣчаются дома на городскую стать, но зато рядомъ съ ними ютятся разваливающіяся лачуги бѣдняковъ, а также появляются плетни. Такимъ образомъ пожалуй изъ всѣхъ казаковъ Россійской Имперіи только къ казакамъ 3-го отдѣла Сибирскаго войска примѣнимы теперь полностью слова старинной казачьей пѣсни:

„Все на шапкахъ тумами,
Все живутъ богато“.

Когда ѣдешь по 3-му отдѣлу, казаки ямщики мчатъ по степи съ быстротой пули и при томъ съ дикими, очевидно позаимствованными у киргизъ выкриками. Любимое ихъ занятіе бѣшено, сломя голову скакать на перегонки и „обрѣзать носъ“ у другой тройки.

Ѣзда вдоль Иртыша еще пріятна тѣмъ, что недостатка въ лошадяхъ не бываетъ, потому что, если нѣтъ почтовыхъ лошадей, вы можете ѣхать „по веревочкѣ“. Дѣло въ томъ, что параллельно, такъ сказать, почтовымъ станціямъ протянуто до самаго Омска около пятнадцати „веревочекъ“, или линий, вольныхъ станцій, при чемъ каждый содержатель такой частной станціи везетъ поповаго къ нему пассажира къ своему „дружку“ (компаніону), живущему въ слѣдующей по пути станицѣ. Дорога по Иртышу безопасна отъ нападеній злыхъ людей, такъ что безбоязненно можно ѣхать ночью. Въ виду этого мѣстные жители на козлы сажаютъ малолѣтнихъ. Только на послѣднемъ перегонѣ, когда мы трогались въ путь къ станціи „Омскъ“, я обратилъ вниманіе,

*) „Тумакъ“—малахан.

что ямщикъ вынесъ обнаженный клинокъ казачьей пашки и положилъ его въ кошевые сани. Оказывается, вблизи города „пошалаиваютъ“.

Улицы въ станицахъ и поселкахъ Сибирскаго войска, какъ и въ поселеніяхъ оренбургскихъ казаковъ, голы: растительности или вовсе нѣтъ, или же она въ самомъ жалкомъ видѣ. Свои лѣса сибирскіе казаки въ общемъ гуляютъ, *) но о древесныхъ насажденіяхъ въ селеніяхъ не заботятся, несмотря на то, что войсковое начальство требуетъ посадки деревьевъ передъ домами. Нѣкоторые неразумные станичники даже унижаются до обмана, втыкая въ землю срубленныя березки передъ пріѣздомъ начальства. Въ каждомъ поселеніи Сибирскаго войска имѣются неказистыя на видъ школы съ выѣской, гласящей такое-то *начальное* училище (напримѣръ: „Грачевское начальное училище“): Въ Оренбургскомъ войскѣ такимъ учебнымъ заведеніямъ присвоены болѣе подходящія для казаковъ названія *станичныхъ* и *поселковыхъ* школъ. На станціяхъ случалось видѣть похвальные листы, выданные хорошимъ ученикамъ за подписью атамана отдѣла. На похвальныхъ листахъ встрѣчаются честь-честью портреты русскихъ писателей и картины, изображающія то бурлаковъ съ бичевой, то рыбака съ неводомъ или тройку съ лихимъ ямщикомъ, но не найдете вы на нихъ ничего, чтобы говорило о жизни, службѣ, исторіи казачества; а между тѣмъ, казалось бы, дѣти казаковъ должны прежде всего въ своихъ школахъ быть научены любить все *свое*, какъ прошлое, такъ и настоящее. Обязательную принадлежность поселеній сибирскихъ казаковъ составляютъ также церкви (милитвенныхъ домовъ немного), причемъ характерно: въ станицахъ церкви обычно выстроены на площади, посреди селенія, а въ поселкахъ — на въпольѣ; очевидно, послѣдніе не потеряли надежду на быстрый приростъ своего населенія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Афганистанъ и его вооруженныя силы.

(Продолженіе)

Климатъ Афганистана, влѣдствіе большого удаленія его отъ моря и очень большой высоты мѣстности, — чрезвычайно сухъ. Отличительной особенностью афганскаго климата является большая разница между днемъ и ночью: днемъ тепло и даже жарко, а ночью холодно. На горныхъ вершинахъ лежитъ вѣчный снѣгъ; въ предгорьяхъ лѣто прохладное, зима продолжительна и обильна снѣгомъ. Въ горныхъ долинахъ климатъ умѣренный; въ мѣст-

ностяхъ равнинныхъ климатъ становится жаркимъ, со знойнымъ лѣтомъ и непродолжительной зимой; здѣсь снѣгъ выпадаетъ не каждый годъ. Весна длится отъ февраля до апрѣля, въ это время въ горахъ выпадаетъ много дождя, отчего рѣки разливаются. Наибольшая жара бываетъ въ іюль и августѣ. Лѣто самое тяжелое время года; отъ жары и дождя трава выгораетъ, рѣки пересыхаютъ; днемъ печетъ невыносимо солнце, ночь не приноситъ облегченія, такъ какъ духота не уменьшается. Съ конца сентября начинается осень, жара уменьшается, ночи становятся прохладнѣе, перепадаютъ дожди, благодаря чему появляется свѣжая зелень. Зима бываетъ обыкновенно коротка (2-2½ мѣсяца), но въ горахъ очень сурова, большинство переваловъ заваливаются снѣгомъ и становятся непроходимыми. Наиболѣе благоприятнымъ временемъ для военныхъ дѣйствій слѣдуетъ считать въ сѣверной части весну, а въ южной, болѣе теплой, осень и зиму. Вообще-же климатъ Афганистана очень здоровъ; не вполне здоровыми мѣстностями считаются: окрестности Кушки, нѣкоторыя мѣста вдоль Аму-Дарьи и окрестности озеръ, гдѣ свирѣпствуетъ лихорадка.

Такъ какъ большая часть поверхности Афганистана гориста или занята песчаными равнинами, то для земледѣлія остается очень мало мѣста; земледѣліе сосредотачивается главнымъ образомъ по долинамъ рѣкъ и по ближайшимъ къ нимъ склонамъ горъ. Жители воздѣлываютъ пшеницу, ячмень, рисъ, просо и кукурузу. Главную пищу населенія составляетъ пшеница. Почти вездѣ жатва бываетъ два раза въ годъ — лѣтомъ и осенью. Хлѣба собирается немного, его съ трудомъ хватаетъ для прокормленія мѣстнаго населенія, а въ нѣкоторыхъ горныхъ мѣстностяхъ населеніе не можетъ продовольствоваться своимъ хлѣбомъ.

Такъ какъ горные склоны покрыты прекрасной травой, то скотоводство въ Афганистанѣ очень процвѣтаетъ. Кромѣ овецъ и быковъ афганцы разводятъ въ большомъ количествѣ лошадей и верблюдовъ.

Такимъ образомъ, въ случаѣ наступленія въ предѣлы Афганистана, наши войска будутъ обеспечены скотомъ, который легко можно будетъ доставать на мѣстѣ; что-же касается хлѣба, то его придется подвозить изъ Россіи, такъ какъ его не всегда хватаетъ и для мѣстнаго населенія.

Слѣдуетъ замѣтить, что благодаря очень гористой мѣстности, жители совершенно не знакомы съ употребленіемъ повозокъ и всѣ тяжести перевозятъ на вьюкахъ на верблюдахъ, лошадяхъ и ослахъ.

Населеніе Афганистана очень разнообразно; по сравненію съ значительной площадью этого государства, оно очень невелико. Общая численность населенія около 5 милліоновъ человекъ. Оно раздѣляется на три главныя части: племена афганскія (2 мил-

*) „Гулять“ — ухаживать.

ГОЛОСЪ КАЗАЧЕСТВА

❧ ГОДЪ ВТОРОЙ. ❧

№ 5.

❧ ЕЖЕНЕДЪЛЬНЫЙ ❧

независимый, военно-общественный журнал,
посвященный нуждамъ и интересамъ казачества.

Условія подписки: годъ—6 руб., 1/2 г.—3 р., 3 мѣс.—1 р. 50 к., 1 мѣс.—50 коп.

23 февраля
1913 г.

Содержаніе номера:

- Новочеркасскъ 23 февраля . . . С. Х.
Нужна ли казакамъ исторія? . . П. Юдинъ.
Воздушная война * * *
Афганистанъ и его вооруженныя силы . . * * *
Оренбуржцы въ Туркестанѣ . . . В. Водопьяновъ.
Полезныя рѣчи * * *
Казачья жизнь и служба въ степяхъ А. Мякутинъ.
Вольные люди С. Шелкуновъ.
Официальный отдѣлъ. Приказы по
Военному Вѣдомству.
Искорки.

Казачья жизнь и служба въ степяхъ.

(путевыя впечатлѣнія).

(Продолженіе).

Въ Черноярскомъ поселкѣ вахмистръ, содержатель почтовой станціи, показывалъ намъ роскошный персидскій коверъ и дорогое сѣдло, луки котораго отдѣланы толстымъ слоемъ серебра. Вещи эти еще давно были подарены его дѣду сартами— „тамырами“ *). Видно, жизнь сибирскихъ казаковъ того времени болѣе настоящаго переплеталась съ жизнью азіатовъ.

Проѣзжая черезъ Желѣзинскій поселокъ, на станціи я замѣтилъ номеръ какой-то газеты, адресованной на имя мѣстнаго священника Владимира Лебединскаго. По этому случаю, ради любопытства, я спросилъ казачьяго малолѣтка, выносившаго вещи, изъ казаковъ или нѣтъ ихъ поселковый священникъ? „Изъ казаковъ-то онъ изъ казаковъ, да не нашъ, а донецъ“, отвѣтилъ казаченокъ. Желая пошутить, я задалъ новый вопросъ малолѣтку: „А что священникъ этотъ обучаетъ васъ джигитовкѣ?“ Къ удивленію на это казаченокъ отвѣтилъ: „Обучаетъ“.— „Какъ такъ?“ изумленно спросилъ я.— „Да такъ, соберетъ въ воскресенье на площадь всѣхъ насъ, подростковъ, да заставитъ поселковаго атамана командовать. А атаманъ у насъ—вахмистръ: команды знаетъ. Батюшка же сядетъ на площади, на скамейкѣ и смотреть, какъ мы продѣлываемъ, да приказываетъ атаману то-то, то другое дѣлать: джигитовку, манежную ѣзду“. Признаюсь, до тихъ поръ мнѣ не вѣрилось какъ-то П. Краснову, что на Дону священники подъ рясой носятъ лампасы, а теперь вѣрю!

Въ Урлятиубинскомъ поселкѣ проживаетъ зажиточный, славный казакъ—приказный Федоръ Аркашовъ, недавно вернувшійся изъ гвардіи. Хорошія воспоминанія о службѣ и огромный сундукъ, обитый цвѣтной жестью, привезъ онъ съ собой въ далекій поселокъ изъ Петербурга. Стѣны чистенькой горницы его увѣшаны фотографическими карточками, гдѣ онъ снятъ въ красномъ мундирѣ и киверѣ съ султаномъ, то одинъ, то съ женой, то съ товарищами. Но особаго вниманія

заслуживаетъ большая фотографія, на которой онъ изображенъ на бѣшено взвившемся на дыбы конѣ и съ грозно обнаженной пашкой въ рукѣ; глядя на эту карточку, всякій безпристрастный наблюдатель скажетъ, что фотографъ не пожалѣлъ ни красокъ, ни своей фантазіи. Наивно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и трогательно.

Въ 11 часовъ ночи 20 октября мы, миновавъ залитый электрическимъ свѣтомъ желѣзнодорожный вокзалъ и Атаманскій хуторъ, вѣхали въ предмѣстье г. Омска—казачій форштадтъ. На улицѣ не было народу. Ставни деревянныхъ низкихъ домовъ были наглухо закрыты. Ночь мы провели въ тѣсной и, невзирая на то, довольно дорогой комнатѣ, какихъ-то безымянныхъ „Номеровъ“. На другой день, по знатному морозцу, нами были осмотрѣны остатки прежней крѣпости въ видѣ каменныхъ воротъ и мостъ черезъ рѣку Омь съ часовней на немъ. Мостъ этотъ съ прилегающими къ нему торговыми рядами—красивѣйшее мѣсто Омска, какъ бы уголокъ Москвы, перенесенный чудомъ въ далекую степь. Но душа моя больше всего рвалась увидѣть войсковой соборъ Сибирскаго казачьяго Войска, и везти себя къ нему я попросилъ скорѣе извозчика.

Казачій соборъ въ формѣ продолговатаго корабля расположенъ посреди большой четырехугольной площади и кругомъ обнесенъ довольно обширнымъ садикомъ. Какъ разъ противъ собора раскинулось красивое зданіе кадетскаго корпуса. Съ другой стороны на площадь выходитъ зданіе Войскового хозяйственнаго правленія Сибирскаго казачьяго Войска. Зеленый куполь, бѣлыя стѣны и колоны, массивная колокольня съ рѣшеткой наверху и высокимъ шпилемъ,—все говорило о почтенной старинѣ. Однако внутренность храма, разбитаго низкой аркой на двѣ части—переднюю и заднюю, нѣсколько разочаровала меня. Всѣ иконы оказались новаго письма и не строгаго стиля. Не было никакихъ подношеній, никакихъ пожертвованій. Только вблизи клиросовъ къ стѣнамъ прикрѣплено нѣсколько знаменъ въ чехлахъ, да на лѣвомъ клиросѣ водружена большая четырехугольная хоругвь, въ древкѣ которой вдѣланъ былый георгіевскій крестъ. Въ четырехугольничѣ, между двумя зеркальными стеклами, зажата старинная икона на ветхомъ полотнѣ. На иконѣ

*) „Тамыръ“—у киргизъ тоже, что на Кавказѣ кунакъ (пріятель).

виденъ всадникъ, скачущій на конѣ и поражающій копіемъ дракона. Вослѣдъ всаднику плетъ свои благословія Господь Іисусъ Христосъ, изображенный въ поясѣ. Церковные сторожа (одинъ—русскій, въ кафтанѣ съ позументами, другой—вогуль, въ партикулярномъ платьѣ) не могли объяснить, что это за хоругвь. Не знали этого и ожидавшіе въ церкви прихода священника люди. Публика, проходившая черезъ церковный садикъ, на обращенные къ ней по этому поводу наши вопросы, отвѣчала также незнаемъ. Только уже вечеромъ, сидя на вокзалѣ въ ожиданіи поѣзда, я узналъ отъ одного мѣстнаго жителя, что въ хоругвѣ между двухъ стеколъ, кажется, зажато знамя, бывшее, по преданію, съ Ермакомъ Тимофеевичемъ въ сибирскихъ походахъ.

22-го октября, въ началѣ перваго часа ночи, поѣздъ отошелъ отъ станціи Омскъ, увозя насъ по направленію къ Уральскимъ горамъ. Въ вагонѣ было тѣсно, но все же ѣхать было много лучше, чѣмъ на перекладныхъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

„Вольные люди“.

(Историческій разсказъ).

(Продолженіе).

III.

Между тѣмъ тысячная толпа вольныхъ людей шумно двигалась отъ своего коша въ городъ къ сѣзжему двору. При вступленіи ея въ городъ, все живое спѣшило скрыться съ улицъ во дворы и Воронежскіе жители поспѣшно закрывали ставни и запирали двери, опасаясь какихъ-либо буйныхъ выходокъ толпы. Даже собаки, полаявъ на передовыхъ, скрывались затѣмъ въ подворотни, уstraшенные громадностью толпы. Земля гудѣла и дрожали стѣны ветхихъ хатъ отъ ударовъ ногъ живого потока. Въ приказной избѣ растерялись при первыхъ отголоскахъ шума надвигавшейся грозы. Первою мыслью всѣхъ, находившихся въ приказѣ, было покрѣпче запереть и привалить чѣмъ нибудь дверь. Посыпались, разлетаясь по всѣмъ угламъ, груды исписанной бумаги съ опрокинутого стола и соединенными усилиями онъ

былъ перетащенъ въ стѣны и прислоненъ къ двери, а сверху взвалили еще нѣсколько тяжелыхъ дубовыхъ скамей. Атаманъ и пришедшіе съ нимъ три казака спокойно дожидались на крыльцѣ приближенія толпы.

Затрещали ворота и огорожа подъ напоромъ людскихъ тѣлъ; вольные люди мгновенно заполнили все пространство сѣзжаго двора, оттерли отъ дверей казаковъ и пытавшася вступить съ ними въ переговоры атамана и принялись дружно ломиться въ избу. Дверь вздрагивала и трещала, но не поддавалась. Толпа съ глухимъ рокотомъ прилиwała и вновь отходила отъ дверей, какъ подъ напоромъ вѣтра льнуть къ берегу и бьются о него волны.

Утомившись Васька Барабанщикъ, первый налегшій на дверь, остановился, чтобы отереть лившійся съ него потъ и закричалъ сидѣвшимъ въ избѣ:

— „Открывайте лучше добромъ! Не отси-дѣйтесь вамъ въ приказѣ! А высадимъ дверь хуже будетъ! Убьемъ“!

Затѣмъ онъ оглянулся на толпу, такъ слѣпо слѣдовавшую за нимъ и увидѣлъ кругомъ себя оборванные фигуры съ красными возбужденными лицами, алчно блестящими глазами и полураскрытыми отъ быстрой ходьбы и тяжелаго дыханья губами. Онъ смекнулъ, что надо кончать начатое дѣло поскорѣе. Та тысяча, что пришла съ нимъ состояла изъ самыхъ „голутвенныхъ“ вольныхъ людей, давно пропившихъ не только полученные ими деньги, но и кое-что изъ одежды и даже пища; всѣ они шли, соблазненные его обѣщаніями по братски раздѣлить всю казну, какую только они найдутъ на сѣзжемъ дворѣ. Васька понималъ, что если возбужденіе ихъ уляжется, а хотя часть изъ тѣхъ двухъ тысячъ вольныхъ людей, что не присоединились къ нему и Глухому, вздумаетъ придти на помощь къ Кондыреву, то ему не сдобровать. Разбивъ избу, уничтоживъ Кондырева и воеводу, онъ мечталъ съ частью своихъ друзей уйти на Донъ, но не къ казакамъ, а въ ту часть его, между Богучаромъ и крайнимъ казачьимъ городкомъ Мигулинымъ, гдѣ безпрестанно бродятъ вольныя шайки „Воровскихъ Черкасъ“ *), выходцевъ изъ литовскихъ городовъ,

*) Черкасы—малороссы.

ГОЛОСЪ КАЗАЧЕСТВА

Г О Д Ъ В Т О Р О Й .

№ 10.

ЕЖЕНЕДЪЛЬНЫЙ

независимый, военно-общественный журналъ,
посвященный нуждамъ и интересамъ казачества.

30 марта
1913 г.

Условія подписки: годъ—6 руб., 1/2 г.—3 р., 3 мѣс.—1 р. 50 к., 1 мѣс.—50 коп.

Содержаніе.

- По поводу предполагаемаго законо-
проекта *А. Верне-Чирской.*
- Нужно подтянуться! *Гребенской*
- Полезныя рѣчи.
- Стариковскія бесѣды съ молодежью *Казакъ.*
- Смутное время *Т. Стариковъ.*
- Казачья жизнь и служба въ степяхъ *А. Мякутинъ.*
- Донская свадьба *В. Добрынинъ.*
- Горобыня ничь.
- Забутый бугоръ *Ф. С. Гребенецъ.*
- Официальный отдѣлъ. Приказы по
Военному Вѣдомству.
- Искорки.
- Отъ редакціи.

тогда очень много и число ихъ, благодаря дурному правленію Шуйскаго и жестокости помѣщиковъ, все прибавлялось и прибавлялось.

Не успѣлъ Шуйскій подавить Шаховскаго, какъ появился новый самозванецъ Лжедмитрій II. Въ его защиту стала вся русская голытьба, не исключая и воровскихъ казаковъ, бродившихъ по Россіи и грабившихъ все что можно было грабить.

У него собралось 15 тыс. поляковъ и 60 тыс. русскихъ людей.

Съ этимъ войскомъ онъ подошелъ къ Москвѣ и остановился въ 12 верстахъ отъ нея въ с. Тушинѣ, откуда и получилъ названіе „Тушинскаго вора“.

Къ этому самозванцу пришли и Донскіе казаки въ количествѣ 5 т. человѣкъ.

Донское Войско видѣло, что Россія раздирается на части, что она гибнетъ отъ смуты и волненій и послало своихъ сыновей стать на сторону порядка.

Но трудно было имъ понять кто правъ, кто виноватъ, трудно было разобраться чью сторону поддерживать: Шуйскаго или Лжедмитрія II. Они знали только одно, что Шуйскій убилъ Дмитрія и своимъ дурнымъ правленіемъ принесъ много бѣдъ Россіи, что имъ былъ недоволенъ весь русскій народъ не исключая и нѣкоторыхъ богатыхъ и знатныхъ. На сторонѣ же Лжедмитрія было большинство русскихъ людей, а бывшая въ его войскѣ Московская знать говорила, что она спасетъ Россію отъ смуты и крамолы. Все это убѣдило Донскихъ казаковъ служить Самозванцу. Но когда они узнали его лучше и увидѣли въ немъ злого и преступнаго чело-вѣка, то поспѣшили уйти отъ него.

Ушли они также и изъ стана, осаждающаго Троицко-Сергіевскую Лавру. Здѣсь ихъ было 500 человѣкъ. Командовалъ ими атаманъ Степанъ Епифановъ. Говорятъ, что ему приснился чудотворецъ Сергій и грозилъ наказаніемъ. Религіозный атаманъ явился къ военноподполковнику и сказалъ ему: „Вразумитесь! Богъ ищетъ нашего раскаянія или бойтесь праведнаго гнѣва Его—гибель наша неизбежна“.

Поляки и русскіе хотѣли убить казаковъ, но они ночью тайно ушли изъ стана осаждающихъ.

Бунтъ все разгорался. Московскіе бояре рѣшили просить польскаго короля Сигизмунда спасти Россію отъ самозванцевъ, обѣщавъ ему за это выбрать на русскій престолъ сына его Владислава.

Съ большимъ войскомъ Сигизмундъ подошелъ къ Москвѣ. Бояре свергли Шуйскаго съ престола, постригли его въ монахи и впустили польское войско въ Москву. Овладевъ Москвою, Сигизмундъ захотѣлъ самъ вступитъ на русскій престолъ, соединить Московское государство съ Польшей и привить здѣсь католическую вѣру.

Но тогда началось движеніе противъ чужеземцевъ во всемъ русскомъ народѣ. Во главѣ этого

движенія стали князь Трубецкой, Ляпуновъ и Заруцкій, подъ командою котораго Донскіе казаки ушли отъ Тушинскаго вора.

Скоро этотъ триумвиратъ распался. Ляпуновъ былъ убитъ казаками за дерзкое обращеніе съ ними. Заруцкій женился на Маріи Мнишекъ, женѣ убитаго Дмитрія. Тогда Донскіе казаки со своими атаманами Межаковымъ, Козловымъ, Романовымъ и Коломною поступили подъ начальство кн. Трубецкаго.

Въ это время изъ Н.-Новгорода двинулась къ Москвѣ новая рать подъ начальствомъ князя Пожарскаго. Казаки узнали объ этомъ движеніи и послали своего атамана Впукова просить Пожарскаго идти скорѣе подъ Москву. Пожарскій любезно принялъ эту депутацію, одарилъ ее подарками и отпустилъ съ извѣстіями, что идетъ немедленно (С. Соловьевъ).

Т. Стариковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Казачья жизнь и служба въ степяхъ.

(путевыя впечатлѣнія).

(Окончаніе).

V.

Уралъ. Уфимскія и Самарскія степи.

Поездъ бѣжалъ по снѣжной равнинѣ, на которой то тамъ, то сямъ виднѣлись березовые колки *). Вечеромъ того же дня я со своимъ спутникомъ пріѣхалъ въ Челябинскъ, на восточный край Оренбургскаго Войска. На вокзалѣ, среди многолюдной толпы, я замѣтилъ знакомаго, браваго казачьяго офицера съ лихо надѣтой набокренъ папайхой. Теперь онъ—находится въ распоряженіи атамана 3-го отдѣла Оренбургскаго Войска и живетъ въ Челябинскѣ, а всего только нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я его видѣлъ среди садовъ Ферганы. Судьба казачьяго офицера! Гдѣ-то не приходится ему побывать за свою долгую службу?

По рассказамъ этого офицера, Челябинскъ растетъ не по днямъ, а по часамъ. Въ немъ воздвигаются новыя роскошныя зданія, возникаютъ одно за другимъ предпріятія, коопераціи, товарищества. Челябинскіе казаки завели электрическую станцію, энергію которой отдаютъ въ пользова-

*) Перелѣски.

ніе; они разбогатѣли и вмѣстѣ съ тѣмъ теряютъ благородный казачій обликъ. Работаютъ челябинцы мало: иногородніе пришельцы даютъ имъ нужныя для жизни средства, и, къ сожалѣнію, много пьютъ хмельного. Все это, конечно, грустно. А вѣдь когда-то „Челяба“ была административнымъ центромъ славнаго Исетскаго казачьяго Войска!

Между тѣмъ, пока я предавался этимъ невеселымъ думамъ, поѣздъ мчалъ насъ къ новымъ историческимъ, дорогимъ для оренбургскаго казака, мѣстамъ. Мы приближались къ Уфѣ. Красивыя, заросшія хвойнымъ лѣсомъ обрывистыя горы и долины скоро замѣнились мягкими холмами. Среди низины, извиваясь огромной змѣей, текла подъ первымъ прозрачнымъ льдомъ въ берегахъ, поросшихъ чернолѣсьемъ, величественная рѣка Бѣлая. А вотъ на высокомъ берегу, подобно Нижнему Новгороду, раскинулась и сама красавица Уфа! Около этого города и въ немъ самомъ жили уфимскіе казаки—радоначальники Оренбургскаго Войска. Въ настоящее время въ Уфѣ проживаетъ всего только нѣсколько офицеровъ Оренбуржцевъ, изъ числа потомковъ уфимскихъ казаковъ, тогда какъ уфимскіе казаки давно переселены на оренбургскую линію.

Поздно ночью 24-го октября мы пріѣхали въ Самару. Раннимъ утромъ я, какъ потомокъ древнихъ самарскихъ казаковъ, прибылъ къ тому мѣсту города, гдѣ стоитъ старый Казано-Богородицкій соборъ. Названный соборъ представляетъ изъ себя длинное, какъ бы вросшее въ землю зданіе съ колокольной въ видѣ толстой четырехугольной сторожевой башни. День былъ будній, однако въ церкви шла служба при небольшомъ числѣ молящихся. Древнія иконы въ массивныхъ золотыхъ окладахъ и огромное распятіе, присланное изъ Византіи, будили въ душѣ глубокія чувства благоговѣнія и старины. Любезный церковный староста показалъ могилу одного изъ строителей Оренбургскаго края генералъ-лейтенанта князя Урусова, брѣнные останки котораго покоятся въ храмѣ, и затѣмъ проводилъ на колокольню, гдѣ виситъ историческій *въстовой* колоколъ, присланный въ Самару въ 1643 году Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ. Колоколъ этотъ по праву оренбургскіе казаки считаютъ своимъ. Дѣло въ томъ, что Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ прислалъ

помянутый колоколъ жителямъ города Самары за доблести, оказанныя ими въ многократныхъ битвахъ съ ногаями, калмыками и башкирами. А въ то время почти все жители Самары принадлежали къ казачьему званію. Нынѣшніе обитатели города, сравнительно недавніе пришельцы изъ разныхъ мѣстъ; тянуло ихъ на берега Волги не мужество и слава, какъ казаковъ, а торговля, земельныя угодія, рыбные промыслы, и уже послѣ того, какъ самарскій берегъ кровью казачьей былъ отбитъ отъ азіатцевъ.

Съ колокольни представляется дивный видъ на острую стрѣлку, образованную сліяніемъ рѣки Самарки съ Волгой, на широкую матушку Волгу и на прибрежные лѣса. Биржа, хлѣбный и лѣсной базары обступили соборъ. Торговый народъ сновалъ вокругъ собора. Старина не измѣнила собора: также и въ давнее время, по древнему русскому обыкновенію, вокругъ собора шель бойкій торгъ, также толпились *) люди.

Знаменитый колоколъ виситъ на деревянной перекладинѣ, въ восточномъ пролетѣ колокольни. Высотой онъ приблизительно 4½ четверти, а въ раструбѣ 5 четвертей. По верхнему краю вырѣзана надпись славянскою вязью: „Лѣта 7151 августа въ 26 день, по Государству, Цареву и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всеа Руссиіи указу, присланъ сей въстовой колоколъ съ Москвы на Самару, и въсу въ немъ 14 пудъ и 25 гривенокъ“. По нижнему краю идетъ только одинъ ободокъ безъ надписи. Весь колоколъ былъ забрызганъ бѣлилами. Сразу было видно, что дорогой для оренбургскихъ казаковъ, въ число которыхъ цѣликомъ вошли самарскіе казаки, колоколъ находится „не въ рукахъ“: нѣтъ заботливаго глаза, усердной руки для благоговѣйнаго ухода за царскимъ подаркомъ. Совершенно необходимо перенести драгоценный колоколъ съ колокольни стараго самарскаго собора въ Оренбургское казачье Войско для созыва казаковъ въ дни войсковыхъ круговъ, тѣмъ болѣе, что этотъ колоколъ *въстовой*, а не церковный.

А. Мякутинъ.

*) „Толпиться“—копошиться, толкаться, толпиться.

ГОЛОСЪ КАЗАЧЕСТВА

— I ГОДЪ ВТОРОЙ. —

№ 13.

— ЕЖЕНЕДЪЛЬНЫЙ —

независимый, военно-общественный журналъ,
посвященный нуждамъ и интересамъ казачества.

20 апрѣля
1913 г.

Условія подписки: годъ—6 руб., 1/2 г.—3 р., 3 мѣс.—1 р. 50 к., 1 мѣс.—50 коп.

Содержаніе.

- Объ упадкѣ экономическаго благо-
состоянія казаковъ на Терекѣ . . . *Казакъ*
- Наша конница въ операциі на Шахъ *С. Бояриновъ*
- Переселеніе въ Сибирь
- Въ родныхъ углахъ *В. Абашиновъ*
- Элегія *П. Антоновъ*
- Забытый бугоръ *Ф. С. Гребенецъ*
- Полезныя рѣчи
- Казачья жизнь и служба въ степяхъ *А. Мякутинъ*
- Легенда о казакахъ
- Выводка *П. Рвачевъ*
- Уничтоженіе наконстниковъ сулемой *П. Полухинъ*
- Военныя вѣсти
- Смѣхъ и шутки

нечно, можетъ повлечь за собою разныя непріятныя осложненія при родахъ.

— Какая подстилка по-твоему самая лучшая?—спросилъ мельникъ.—Я всегда употребляю торфъ для подстилки, хотя онъ мнѣ обходится довольно дорого.

— Это отличная подстилка!—воскликнулъ сосѣдъ.—У меня въ настоящее время очень много соломы, поэтому я и подстилаю ее лошадямъ. Каждый день солома эта мѣняется. Употребляю я тоже и древесныя опилки, если дешево могу ихъ достать. Потомъ я употребляю еще смѣшанную подстилку.

— А какъ ты ее приготавливаешь?—спросилъ Федоръ.

— Я беру сперва торфа, древесныхъ опилокъ и немного необожженного гипса, смѣшиваю ихъ, хорошенько утрамбовываю слой уже бывшей въ дѣлѣ соломы, а сверху кладу послѣдній слой свѣжей соломы. Раза два въ день сметаю свѣжий навозъ, не мѣняя соломы, и только когда она загрязнится, то снова настилаю тонкій слой свѣжей соломы. Такимъ образомъ подстилка остается всегда сухой и чистой. Моча же вся впитывается нижнимъ утрамбованнымъ слоемъ, имѣющимъ высоту вершка 2—3.

— Какъ ты кормишь своихъ заводскихъ кобылъ?—спросилъ Михайла.

— Мои кобылы много работаютъ, поэтому получаютъ по 8 фунтовъ овса въ день,—отвѣчалъ сосѣдъ.—Кромѣ того, имъ дается еще около 14 фунтовъ сѣна и немного соломы. Если бы онѣ не работали, то я пускалъ бы ихъ на пастбище, прикармливая еще сѣномъ и соломой.

— А клеверъ развѣ не годится жеребымъ кобыламъ спросилъ еще разъ Михайла.

— Самъ по себѣ клеверъ совсѣмъ не вреденъ жеребымъ кобыламъ,—отвѣчалъ сосѣдъ.—Надо только приучить къ нему лошадей и не перекармливать ихъ. Надо смотрѣть, какъ бы лошадей отъ клевера не раздуло. Сильное вздутіе брюха отъ клевера очень вредно жеребымъ кобыламъ: отъ него можетъ случиться выкидышъ. Поэтому то и надо давать клеверъ въ мѣру, съ опаской. Пастьба лошадей на замерзшемъ лугу и заиндѣвѣлый промерзшій кормъ, впрочемъ, еще вреднѣе, чѣмъ клеверное сѣно. Не слѣдуетъ также никогда кормить скотъ заплѣсневѣлымъ сѣномъ.

— А какъ ты поишь своихъ лошадей?—спросилъ Иванъ.—Я аккуратно даю своимъ лошадямъ теплое пойло изъ отрубей.

— Здоровымъ лошадямъ совсѣмъ не надо давать поила изъ отрубей,—возразилъ сосѣдъ.—Пищеварительныя органы у лошадей ослабляются, если постоянно поить ихъ теплымъ пойломъ. Я пою своихъ лошадей колодезною водой, простоявшей нѣкоторое время въ конюшнѣ и нагрѣвшейся до 8 градусовъ тепла. Слишкомъ холодная вода очень опасна для жеребыхъ кобылъ. Если жеребую кобылу напоить рано утромъ слишкомъ холодной водой, то мы можемъ замѣтить, какъ это подѣйствуетъ на жеребенка,—это особенно замѣтно, если кобыла жереба мѣсяцевъ 6—7: жеребенокъ начинаетъ сильно биться въ утробѣ матери. Когда же кобыла слишкомъ много выпьетъ очень холодной воды, то можетъ получиться смерть плода отъ быстрого охлажденія утробы. Вотъ вамъ и всѣ секреты, благодаря которымъ мнѣ везетъ счастье съ жеребыми матками!—закончилъ сосѣдъ.

— Да вѣдь все это мы сами давно знали, ничего новаго ты намъ не сказалъ,—возразилъ мельникъ.—Дѣло только въ томъ, что никто не хочетъ вниманія обращать, никто не хочетъ соблюдать такихъ простыхъ, всѣмъ извѣстныхъ правилъ.

Всѣ крестьяне согласились съ этимъ. Они поблагодарили опытнаго сосѣда за хорошіе, полезныя совѣты и разошлись по домамъ. Долго еще толковали они о томъ, о чемъ говорилъ имъ сосѣдъ, и каждый далъ себѣ слово всегда во всемъ слѣдовать его совѣтамъ.

(См. № 1.)

(Продолженіе слѣдуетъ).

Казачья жизнь и служба въ степяхъ.

(путевыя впечатлѣнія).

Снова городъ Оренбургъ.

VI.

(Окончаніе).

Утромъ 25-го октября я снова пріѣхалъ въ Оренбургъ, завершивъ огромный кругъ, сдѣланный мной по степямъ. Въ казачьемъ форштадтѣ (Оренбургскомъ поселкѣ) царило оживленіе. „Огневщики“ *)

*) „Огневщиками“ въ Оренбургскомъ Войскѣ называются посыльные при станичныхъ и поселковыхъ правленіяхъ.

ходили по домамъ и скликали жителей. Оказалось, что собирався войсковою кругъ по случаю Высочайшаго дарованія Оренбургскому Войску, приказомъ по Военному вѣдомству отъ 1-го октября 1912 года за № 533, старшинства съ 1574 года, со времени постройки воеводою Иваномъ Нагимъ дѣтинца Уфы, въ составъ тогда же вошли уфимскіе казаки. Старикъ съ крестами и медалями и молодежь сѣвши на площадь Георгіевскаго войскового собора.

На высокомъ берегу Урала стоялъ приземистый старецъ соборъ, выдавшій на своемъ вѣку много горя и радости, съ колокольни котораго нѣкогда пугачевцы обстрѣливали Оренбургъ. Внутри собора, построеннаго кораблемъ, и украшеннаго старинными, иконами, шла божественная служба. Соборная площадь была окаймлена народомъ и парадомъ казачьихъ частей. Старыя стѣны собора, его святые главы, извилистый Ураль, ближніе мѣсь и роца, луга и разряженный народъ,—все сливалось въ сказочную гармонию, говорило о любви къ предкамъ, о казачьей старинѣ.

Одно только обстоятельство рѣзало чуткое сердце. Еще не такъ давно фронтокъ войскового собора былъ украшенъ щитомъ съ чуднымъ иконнымъ изображеніемъ Св. Великомученика Георгія Побѣдоносца—покровителя собора и Оренбургскаго Войска. Но какая-то варварская рука сорвала этотъ щитъ и вмѣсто него на фронтокъ безвкусоно нарисовали не имѣющія прямого отношенія къ собору и войску картины Св. Серафима Саровскаго, молящагося на камнѣ, и Покровъ Пресвятой Богородицы. О такой не удачной замѣнѣ слѣдуетъ пожалѣть и по возможности скорѣе возстановить прежній щитъ на свое мѣсто. Уже нѣсколько поколѣній Оренбургскихъ казаковъ молитвенно созерцало на соборѣ икону своего небснаго заступника и плѣнительный образъ его вмѣстѣ съ представленіемъ о своемъ войсковомъ соборѣ уносило съ собой, уходя на службу и на войну, при переселеніи въ дальніе края и сходя въ могилу. Зачѣмъ же лишать этого святого наслажденія дальнѣйшія поколѣнія?

Послѣ благодарственнаго молебна былъ торжественно провозглашенъ приказъ по Войску съ объявленіемъ новой Царской милости и съ горячимъ призывомъ къ станичникамъ служить, по примѣру предковъ, честно и безупречно. Наказный Атаманъ, поздравивъ Войско съ радостной вѣстью, принялъ парадъ казачьихъ частей и затѣмъ ласково бесѣдовалъ со стариками.

Ликующій народъ шумно разошелся по домамъ, и затѣмъ до поздняго вечера по улицамъ Оренбургскаго поселка раздавались казачьи пѣсни и ходили группы нѣсколько охмелѣвшихъ казаковъ. Самая ночь этого дня была какая-то торжественная. Звѣзды сіяли ровнымъ ласковымъ свѣтомъ. Душа неслась

въ высь, а мысленные взоры устремлялись въ прошлое: ко временамъ славныхъ пращуровъ—уфимскихъ, самарскихъ и исетскихъ казаковъ. И какъ любо было казачьему сердцу при такомъ настроеніи улыпнать древнюю пѣсню—былину, которую гдѣ-то невдалекѣ, на улицѣ запѣлъ одинокой старческой голосъ: „Ты старинушка ли, старинушка, ты, старой казакъ Илья Муромецъ“. Правда, пѣсня эта скоро оборвалась (вѣроятно, въ виду забыванія конца ея), но зато она замѣнилась другой пѣсней, не менѣе милой: „За Ураломъ, за рѣкой казаки гуляютъ“, которую дружно подхватили три спутника первого пѣвца.

По случаю дарованія Оренбургскому Войску старшинства необходимо помянуть добрымъ словомъ ревнителей казачьей исторіи: генераль-маіоровъ В. В. Агапова и Ф. М. Старикова, полковника П. И. Авдѣева, войскового старшину Н. К. Бухарина и есаула С. Н. Севастьянова, благодаря трудамъ которыхъ была поднята завѣса, скрывавшая первоначальныя событія, относящіяся до исторіи Оренбургскаго войска. Всѣ они покойники, никто изъ нихъ не дожился до радостнаго дня дарованія Войску старшинства. Но вѣчная память о нихъ во вѣки пребудетъ въ благодарныхъ казакахъ Оренбургскаго Войска.

Въ одинъ изъ ближайшихъ дней послѣ описаннаго войскового круга я посѣтилъ домъ и музей Оренбургской ученой архивной комиссіи. Во дворѣ дома, въ сараѣ, въ стѣнѣ котораго была сдѣлана проволочная рѣшетка для обзоренія, лежала пушка съ вырѣзанной на ней надписью, что она пожалована сакмарскимъ казакамъ Императрицей Екатериной I-й по случаю поселенія ихъ на новыхъ мѣстахъ. Глядя на эту пушку грустно стало, что реликвиа эта хранится въ такомъ небреженіи. Слѣдовало бы ее перенести въ войсковой штабъ для помѣщенія въ знаменной комнатѣ: вѣдь пушка для артиллериста такъ же дорога, какъ знамя.

Въ Оренбургѣ мнѣ довелось бесѣдовать съ однимъ членомъ архивной комиссіи по поводу снятія щита съ иконой Св. Великомученика Георгія съ войскового собора. Оказалось, что архивная комиссія запрашивала подлежащее духовное начальство о причинахъ снятія и гдѣ въ настоящее время щитъ находится. На это духовныя власти, оправдывая себя, отвѣтили, что щита на соборѣ никогда не было. Но объясненіе это невѣрно: во-первыхъ, о томъ, что на фронтокъ Георгіевскаго собора нѣсколько лѣтъ тому назадъ красовался щитъ съ изображеніемъ Св. Георгія, скачащаго на бѣломъ конѣ, помнятъ всѣ жители Оренбургскаго поселка; во-вторыхъ, объ этомъ обстоятельстве краснорѣчивѣе всего свидѣтельствуетъ извѣстная въ Оренбургскомъ Войскѣ фотографическая карточка проводовъ около войскового собора казаковъ въ Уссурийскій край. Возстановленіе нарушенныхъ

исторической святыни и старины является неотложнымъ дѣломъ.

VII.

Заключеніе.

Долгое и трудное путешествіе мое было конечно. Много пришлось мнѣ увидѣть мѣстъ, населенныхъ казаками, и много разговаривать съ ними, Обобщающимъ символомъ всего видѣннаго и слышеннаго могутъ служить слова одной пожилой казачки, съ которой я бесѣдовалъ въ Бердскомъ поселкѣ (вблизи Оренбурга). Казачка рассказывала о своемъ житьѣ-бытьѣ, между прочимъ сказала мнѣ: „Служимъ вѣдь мы, *служимъ!*“ Слова эти совершенно справедливы: въ казачьей жизни женщина тоже служить, такъ какъ не мало трудовъ и заботъ падаетъ на ея плечи при сборахъ казаковъ на службу, а также во время нахождения на службѣ ея мужа и сына. У казаковъ весь жизненный обиходъ таковъ, что все они, отъ мала до велика, служатъ своему отечеству или состоя на военной службѣ, или готовясь къ ней, или же укрѣпляя начала русскаго быта и общечеловѣческой гражданственности въ малокультурныхъ странахъ.

А. Мякутинъ.

Легенда о казакахъ.

Любопытную легенду о казакахъ довелось мнѣ слышать отъ одного старика, когда въ 1904 году я, вмѣстѣ съ моими товарищами—учителями Екатеринославской губ., отправился на днѣпровскіе пороги въ экскурсію, руководителями которой были—профессоръ Эварницкій (нынѣ директоръ полтавскаго этнографическаго музея), Вахтеровъ и Шохоръ—Троцкій, которые читали намъ лекціи на курсахъ, организованныхъ тогда въ Екатеринославѣ губернскимъ земствомъ, по инициативѣ нынѣшняго предѣдателя Государственной Думы М. В. Родзянко, а тогда—предѣдателя Екатерин. губ. земек. управы.

Возлѣ самаго грандіознаго и страшнаго Ненасытецкаго порога, самое имя котораго говоритъ о безчисленности человѣческихъ жертвъ, проглоченныхъ имъ, которыми, однако, онъ не насытился, мы остановились на привалѣ, и человѣкъ семь изъ насъ, любители сильныхъ ощущений, отправились на плоты, (проходившіе здѣсь по очереди черезъ Ненасытецкій порогъ), чтобы прокатиться по бушующихъ и ревущимъ гребнямъ волнъ Ненасытца.

Долго лоцмана не хотѣли брать насъ, боясь могущихъ произойти печальныхъ послѣдствій, которыя здѣсь не рѣдки, и согласились только тогда, когда на берегъ пришелъ самый опытный лоцманъ, ста-

рикъ лѣтъ девяноста, но сохранившійся такъ, что и теперь могъ-бы свернуть рога любому быку.

Этотъ старикъ посовѣтовалъ несговорчивымъ лоцманамъ взять насъ, и самъ, вмѣстѣ съ нами, усѣлся на плоту. Прогулка оказалась удачной и благополучной. Вечеромъ, за закуской, къ которой мы пригласили и старика, послѣдній, слушая наше восхищеніе передъ силой и могуществомъ пороговъ и какъ-бы отвѣчая на наши замѣчанія по адресу Ненасытецкаго порога, дикій ревъ котораго слышенъ на пятнадцать верстъ вокругъ, сказалъ:

— Эге, „хлопці, ви думаете—чего він такъ пеклується, чего сумуе як не прикаянный,—загадочно произнесъ старикъ, и на наши вопросы, одобренные хорошей чаркой водки, сообщилъ слѣдующее.

Давно тому, лѣтъ двѣсти, а можетъ и больше назадъ, жили здѣсь казаки—запорожцы.

Бѣдовый людъ! Лошади, что львы, сбруя—въ серебрѣ, сами—дородные, статные,—одинъ на цѣлое полчище татаръ выходилъ, цвѣтные, шитые золотомъ, жупаны, оружія—въ камняхъ дорогихъ. Ни женъ, ни дѣтей не знали, сами себѣ господа были, всюду въ походы ходили, всехъ нехристей били. Все ихъ боялись, а они никого. Любили они вольную волю, любили рѣку Днѣпръ, по которой, подъ покровомъ усѣянной изумрудами звѣздъ ночи, совершали набѣги на татарву въ своихъ челнахъ-чайкахъ.

Всюду, по берегамъ Днѣпра, гдѣ теперь міръ христіанскій живетъ, не было ни души,—трава—ковыль только поднималась въ ростъ человѣка, да птица небесная летала. Любилъ казакъ это приволье, любилъ свободу свою.

Вотъ и прослышала царица московская про силу казацкую, про удалъ ихъ молодецкую. Послала она къ нимъ своего вельможу Потемку просить ихъ къ себѣ на службу.

Какъ пріѣхалъ вельможа къ казакамъ, какъ посмотрѣлъ на ихъ красоту и силу, на ихъ удалъ молодецкую, черной змѣей зависть заползла къ нему въ сердце: утратился онъ за свое вліяніе при дворѣ Царицы, которая цѣнила его и возвысила также за красоту; не одобровать ему, когда при дворѣ появятся казаки.

И задумалъ онъ хитростью избавиться отъ будущей опасности. Передалъ онъ казакамъ отъ Царицы подарки и, якобы отъ ея имени, сталъ просить ихъ пойти на Кавказъ за Черное море, чтобы взять въ плѣнъ живую или мертвую тамошнюю царицу, которая, будучи злая-презлая, грозитъ смертью извести царицу московскую.

Думалъ онъ, что если казаки повѣрятъ его хитрости и пойдутъ за Черное море, то оттуда уже не возвратятся, такъ какъ войско царицы кавказской всехъ ихъ перебьетъ, а кто уйдетъ отъ войска, то умретъ отъ черной лихоманки, которая тамъ всехъ православныхъ насмерть замучиваетъ.